С первых дней заселения Лямбирь стал прирастать колоритными фигурами с интересными судьбами и мастеровитым людом, приносившими радость и пользу односельчанам. Природная смекалка, ум и трудолюбие наших предков позволяли им обустраивать свою жизнь, приспосабливая имеющиеся ресурсы под свои нужды, рачительно и с умом используя их.

Более трех с половиной столетий назад топографический портрет Лямбиря был несколько иным. И основной чертой его была небольшая, но довольно полноводная и резвая речка, которая несла свои волны с востока на запад, деля местность на две части. И нашим прадедам не могла не прийти в голову светлая мысль об использовании силы воды для своих хозяйственных целей. В итоге, по всей реке выросла череда из четырех плотин, и были созданы искусственные запруды. В прудах поили скот,

ловили рыбу, купались. Энергию же водной стихии было решено использовать в водяных мельницах, где, возможно, не только мололи зерно, но и устраивали небольшие кузницы, где ритмичные движения молота обеспечивала та же сила воды. Желоба плотин были обнаружены в 60-х годах – это были старые, почерневшие от времени и сырости дубовые бревна. Остатки плотин можно увидеть и сейчас. Еще одно эхо прошлого: старый колхозный пруд, зеркалом распластавшийся в конце Большевистской улицы.

Калын бядри

Водяной мельницей владел Бядретдин Ерзин – весьма колоритная личность. Калын (Толстый) Бядри, как прозвали его сельчане за силу и стать богатырскую. Сохранилась молва о том, что он, одним рывком дернув за ремень мельничного механизма, мог вновь запустить остановившийся было агрегат. Как на одного из самых богатых сельчан, на него батрачили многочисленные работники, отчего, позже, и сама улица, где жил Калын Бядри, стала называться Батраки. Однако не только силой и богатством отличался этот харизматичный мужчина, а и крепкой хозяйской хваткой и неимоверным трудолюбием. Его гордостью и делом всей жизни был великолепный яблоневый сад, где росли деревья самых разных сортов. Слава о нем шла по селу, и до наших дней долетела красивой легендой. Так и жил бы себе припеваючи богач и силач Бядретдин в родном селе до глубокой старости в окружении детей и внуков, кабы не лихие революционные события, перевернувшие все устои сельской жизни и всю его жизнь, лишив самого ценного и дорогого – семейного благоденствия. Всей семьей уезжают они из Лямбиря. И след Калын бай Бядри потерян во времени… Сад был конфискован в пользу колхоза, а потом и вырублен под корень. В просторной избе Ерзиных разместилась сельская больница. Ну, а мельница еще долго прослужила на пользу сельчан. Со временем ее преобразовали в дизельную с английским двигателем. Местный люд называл ее ласково "нефтянка". Она выполняла сразу две функции: молола зерно и чесала шерсть. Официальным чесальщиком шерсти был приставлен Амин Сибушев…

Десять мельниц

Революционные преобразования самым трагичным образом затронули и семью трех братьев Сяфуковых. Полному разорению подверглись они, когда их крепких хозяйств коснулись своими черными крылами коллективизация да продразверстка, лишившие имущества, а самих объявили злостными кулаками-мироедами. Среди конфискованного имущества были ветряные мельницы, которыми владели братья Минюк, Сянятулла и Хикмятулла Сяфуковы. Не переставало саднить душу от того, что загребущие руки новой власти отобрали у них, трудяг, источник не только благосостояния, но и самой жизни. Без хлеба насущного не прожить человеку. Особенно тяжко приходилось в полуголодные 20-е–30-е и еще более голодные послевоенные. Старожил села, внучка Сянятуллы Сяфукова Ряшида Алиевна Ипкаева, помнит по рассказам матери, как дед с братьями по ночам тайком пробирались к свои «крылатым» деревянным кормилицам, осторожно вскрывали опечатанные двери и мололи те горсти зерна, которое удавалось наскрести за несколько дней. А мельниц ветряных, по воспоминаниям Р. А. Ипкаевой, было десять. И располагались они на горе – «тауда» - там, где сейчас процветает наш микрорайон. Свидетельством тому могут служить каменные булыжники, – видимо, остатки мельничных фундаментов, – которые выходили из-под земли при застройке райцентра новыми зданиями…

добрым словом поминая...

По-своему уникальна и сложна судьба еще одного мельника – Сафиуллы Невмятулловича Исякаева. Она во многом схожа с судьбами многих его сверстников: вырос в многодетной семье потомственных крестьян-земледельцев. Окончив школу-трехлетку и едва вступив в отрочество, стал трудиться в колхозе имени Нариманова разнорабочим.

Когда началась война, был призван на фронт, где воевал связистом. Победно войти в Берлин вместе с однополчанами ему не удалось – не позволила тяжелая контузия и многочисленные раны. Сейчас из памяти уже пожилой дочери Сафиуллы Исякаева, Марьям Сафиулловны Янгляевой, многое стерлось. Но тот холодный зимний день, когда вдруг отворилась дверь и на носилках внесли всего израненного, но живого отца, она будет помнить всегда. Как обрадовались они, дети, как со слезами счастья и одновременно горя от боли за еле живого мужа, всплеснула руками мать, Салиха Шакировна. Являясь уроженкой Арского района Татарстана, она вместе с семьей попала в Лямбирь в 1905 году, во время первых революционных волнений, охвативших страну и мятежную Казань, которая переживала настоящую смуту, ставшую, по мнению многих историков, репетицией будущей Октябрьской революции.

Немного оправившись от ран, С. Н. Исякаев сразу приступил к работе в местном колхозе в качестве мельника. Благо труд этот для него был знаком – ведь он успел заняться мельничным делом за несколько лет до войны. Более сорока лет он молол муку. Вначале на дизельной мельнице, что на Садовой улице, затем – на колхозной мельнице в конце улицы Гагарина, неподалеку от нынешнего аэродрома – «Юськай уе» (Гора Юськая) говорили в народе. Дети помнят его как строгого, но любящего и справедливого отца, преподавшего им науку жизни. Еще одна дочь Румия Сафиулловна Синельникова, рассказала, что добрым словом вспоминали Сафиуллу Невмятулловича односельчане. За свой труд он никогда не брал денег с обездоленных детей. А с более состоятельных брал не деньги, а …гарыч – процент муки с мешка. И к каждому заказчику свой подход имел, понятливый и добродушный был…

местные самородки

…Вот так, окунаясь головой в историческую глубь своего села, можно

найти много неожиданно фактов, «познакомиться» с колоритными личностями, жившими некогда здесь, ходившими по этим улицам, занимавшимися совершенно разными ремеслами. На удивление много интересного и познавательного мы узнали от старожила села – активной общественницы, ветерана труда, участника хора и клуба «Ветеран» и нашего внештатного корреспондента Ряйси Алиевны Аймурановой. Она поведала нам, например, что к известным сельским ясновидящим Афук-апе и Асхаб-апе за помощью приезжали не только со всего района, но и со всей Мордовии, даже из-за пределов ее. А легендарный единственный на селе фотограф Идрис Батршин благодаря своим фотоработам вошел в документальную историю Лямбиря. После войны единственным владельцем машины был Салих Салимов. Поведала она и о том, что жительница Ф.М. Богапова была костоправом – вправляла вывихи и мастерски вынимала занозы.

Жил в селе печник Н. С. Сибушев по прозвищу «Тимер пич» (железная печь). Среди местных ремесленников-самоучек жили валяльщица валенок Боярова Саидя, обувщик Хикмятулла Егорчиков и портной-кожевенник Мухетдин Салимов.Был даже свой ювелир – «кемешче» (от татарского «кемеш» - серебро – буквально: серебряных дел мастер). Звали его Каняфия Каников - жил он в скромном доме на Большевистской улице. Чинил серьги и всякие разные застежки, изготавливал серебряные украшения, на которых ставил свое фирменное клеймо, заглавные буквы имени, фамилии, отчества – ККК, также как Батршин подписывал своим фирменным БИШ.

УМИДА ЯХИНА